

Серия «Хозяин морей»

Патрик О'Брайан

На краю ЗЕМЛИ

*Роман о капитане Джэке Обри
и докторе Стивене Мэтьюрине*

Ростов-на-Дону

2024

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)-442

КТК 631

О-23

PATRICK O'BRIAN
The Far Side of the World

Перевел с английского В. В. Кузнецов

О'Брайан П.

О-23 На краю земли : роман о капитане Джеке Обри и докторе Стивене Мэтьюрине / Патрик О'Брайан ; пер. с англ. В. Кузнецова. — Ростов н/Д : Феникс, 2024. — 381, [1] с. — (Хозяин морей).

ISBN 978-5-222-36659-2

По всему миру бушуют Наполеоновские войны, и капитан Джек Обри получает новое задание. Он должен отправиться к мысу Горн и перехватить мощный американский фрегат, угрожающий британской китобойной флотилии. Доктор Стивен Мэтьюрин следует за своим капитаном, попутно исполняя тайную разведывательную миссию. В Великом Южном море и в дальних уголках Тихого океана их ждут опасные приключения, разрушительные шторма и великие открытия. Именно этот роман стал основой знаменитого фильма «Хозяин морей: На краю земли» с Расселом Кроу в главной роли.

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-442

Copyright © 1984, Patrick O'Brian
Все права защищены

© Кузнецов В., перевод на русский
язык, 2024

ISBN 978-5-222-36659-2

© ООО «Феникс», оформление, 2024

*Вулкоту Гиббсу-младшему,
который вдохновил меня
на написание этих историй*

Содержание

От автора	9
Глава первая	11
Глава вторая	44
Глава третья	81
Глава четвертая	126
Глава пятая	164
Глава шестая	213
Глава седьмая	244
Глава восьмая	284
Глава девятая	301
Глава десятая	343
Словарь морских терминов	373

От автора

Пожалуй, лишь немногие авторы черпают сюжеты из собственного воображения. Даже Шекспир, к примеру, сам не придумал, похоже, почти ничего; Чосер заимствовал темы как у своих современников, так и у покойников. Если не тревожить классиков, то мы увидим, что сегодняшний писатель в еще большей степени зависим от сторонних источников, поскольку при упорном стремлении к исторической точности приходится питать свою фантазию вахтенными журналами, депешами, письмами, мемуарами и прочими свидетельствами современников описываемых событий. Но использование документов — вовсе не откровенный плагиат; мимоходом замечу, что приближение шторма, описанное в начале девятой главы, взято из книги Уильяма Хикки и, на мой взгляд, не нуждается ни в каких прикрасах.

Однако продолжение работы в этом жанре вскоре поставит писателя перед необходимостью использовать вымышленные сюжеты, поскольку исторические факты — увы, не бездонный источник. Лет десять или одиннадцать тому назад один солидный американский издатель предложил автору написать книгу о флоте Его Величества эпохи Нельсона и автор с радостью согласился, поскольку и сама эпоха и ее герои живо интересовали его. Он на одном дыхании написал первую из серии книг — роман на документальной основе о раннем периоде командования кораблем «Спиди» лордом Кокрейном. В процессе работы автор узнал о самых дерзких победах, совершенных этим судном за время войны, и с головой окунулся в подробности морского быта далекого прошлого. Но если бы писатель заранее знал, какое удовольствие доставит ему такой труд и сколько книг появится вслед за первой,

то он наверняка приступил бы к их созданию гораздо раньше. Дело в том, что 14-пушечный «Спиди» захватил 32-пушечный «Гамо» лишь в 1801 году, после чего был заключен пресловутый Амьенский мир, лишивший на время предприимчивых моряков возможности состязаться в храбрости, а будущих писателей — множества документальных сюжетов. Впрочем, еще далеко не все источники исчерпаны: вот и в этом романе флотский историк обнаружит отзвук преследования кораблем Его Величества «Феб» корабля США «Эссекс». Однако даже в начале XIX столетия в году было всего лишь двенадцать месяцев, и вполне возможно, что в ближайшем будущем автору (если позволят читатели) придется использовать гипотетические годы по аналогии с гипотетическими месяцами, используемыми при расчете празднования Пасхи: скажем, введя год 1812а и даже 1812б.

Однако если автор прибегнет к такому приему, то пострадает лишь достоверность хронологии; но в остальном он будет по-прежнему сохранять историческую точность и рассказывать, каким был королевский флот, судя лишь по документам эпохи. Так что на этих страницах читатель не встретит ни василисков, которые убивают взглядом, ни готтентотов, лишенных религии, морали и членораздельного языка; ни изысканно вежливых, премудрых китайцев; ни противоестественно добродетельных, вечно побеждающих и, ясное дело, бессмертных героев; ну а если ненароком все же объявятся какие-то крокодилы, то автор постарается, чтобы они пожирали свои жертвы, не проливая крокодильих слез.

Глава первая

— Сообщение капитану Обри! Капитану Обри сообщение! — один за другим перекликались голоса, сначала едва слышно, а потом все громче и громче, стремительно перекатываясь с кормы флагманского корабля на шканцы и взлетая на полубак. Там, на правом борту, стоя возле 32-фунтовой каронады¹, капитан Обри разглядывал пурпурную галеру марокканского султана, бросившую якорь неподалеку от бастиона Прыгуна, за которым к небу вздымалась серовато-бурая громада Гибралтарской скалы. Мистер Блейк, некогда зеленый юнец-мичман, ставший высоким, крепким лейтенантом, почти таким же грузным, как Обри, объяснял своему бывшему капитану конструкцию нового, изобретенного им лафета: теперь каронады смогут стрелять в два раза быстрее, не давая перелетов, на дистанцию вдвое больше прежней, причем с такой точностью, которая заметно приблизит победное окончание войны.

«Передать сообщение» капитану первого ранга мог только адъютант адмирала, а Джек Обри опасался вызова к высокому начальству с той самой минуты, когда вместе с рассветом на рейде появилась «Каледония»: после вызова он должен был не мешкая доложить главнокомандующему, почему его распоряжения не были выполнены.

Зная, что небольшой, старый, но зато легкий на ходу фрегат «Сюрприз», которым командовал Обри, должен вернуться с Мальты в Англию, чтобы встать на прикол, быть проданным или даже пойти на слом, адмирал сэр Фрэнсис Айвз, главнокомандующий

¹ Каронада — короткоствольное морское орудие.

Средиземноморским флотом, приказал его капитану отправиться с заходом в Замбру к Берберийскому побережью, чтобы вступить в переговоры с правителем тамошних мест, деем¹ Маскары, который был склонен к союзу с французами и угрожал враждебными действиями, вымогая огромную сумму денег. Если же дей будет упорствовать, то Обри должен принять на борт британского консула и предупредить строптивного владыку, что тот, конечно, волен перейти от слов к делу, но тогда все суда под маскаренским флагом будут захвачены, сожжены, потоплены или уничтожены любым иным способом, а порты дея — блокированы. Обри должен был отплыть на «Поллуксе» — еще более древнем, чем его фрегат, шестидесятипушечном корабле, который вез в Англию контр-адмирала Харта, однако к дипломатической миссии капитана этот пассажир отношения не имел. О ее результате Обри предстояло лично доложить главнокомандующему в Гибралтаре. Задание показалось Джеку несложным, тем более что он располагал чрезвычайно искусственным в столь тонких делах советником в лице своего судового врача, доктора Мэтьюрина, и неподалеку от устья залива Замбра он покинул «Поллукс» с легким сердцем. И нет ничего странного в том, что такое чувство испытывал человек, который полжизни провел в море — стихии опасной и совершенно ненадежной, где от вечности его отделял лишь борт судна.

Но их предали. План главнокомандующего успел попасть в руки неприятелю, и в один далеко не прекрасный момент с наветренной стороны появился французский линейный корабль с двумя фрегатами: они явно были в стоворе с маскаренцами. Форты дея открыли огонь по «Сюрпризу», не дав капитану Обри ни встретиться с правителем Маскары, ни принять на борт консула, мистера Элиота. «Поллукс», вступивший в схватку с восьмидесятипушечным французским кораблем, при взрыве порохового погреба взлетел на воздух вместе со всей командой. «Сюрприз» благодаря своим великолепным мореходным качествам сумел избежать неравного боя с французом, но Джеку Обри при

¹ Дей — титул пожизненного правителя Алжира в 1711–1830 гг.

этом не удалось добиться ничего из того, что ему было предписано выполнить. Разумеется, капитан мог бы поставить себе в заслугу, что умелым маневром он повредил тяжелый французский фрегат, заманив его на риф, и что во время сражения «Поллукс» так издырявил неприятеля, едва не добив его собственным взрывом, что француз едва ли смог доползти до Тулона.

Однако Джек Обри не мог предъявить ничего, кроме своих соображений, и хотя он отдавал себе отчет в том, что в отношении потерь королевский флот в этом деле скорее выиграл, чем проиграл, уверенности в том, что главнокомандующий разделит с ним его точку зрения, у него не было. Кошки на капитанской душе скребли еще и оттого, что неблагоприятные ветры задержали его переход из залива Замбра в Гибралтар, где следовало встретить главнокомандующего, и Джек не знал, успели ли суда, посланные им на Мальту и в Порт Магон, вовремя предупредить адмирала о том, что надо разобраться с покалеченным французом. Сэр Фрэнсис пользовался скверной репутацией: он был строг, отличался необузданным нравом и был способен без сожаления расправиться с заблудшим подчиненным. Было также известно, что сэр Фрэнсис куда честолюбивее прочих адмиралов; он жаждал такой победы, которая вознесет его в глазах общественного мнения, а особенно морского министерства — источника всяческих благ и почестей. В каком свете представить ему события в Замбре, Джек Обри еще не решил. «Впрочем, чему быть, того не миновать», — успокоил он себя, торопясь на корму следом за нервным молчаливым юношей, стараясь не испачкать свои белоснежные панталоны и шелковые чулки: матросы таскали на нос ведра со смолой.

Но капитан ошибся: его вызывал второй флаг-офицер, находившийся на борту, — начальник тыла флота, прикованный к койке приступом инфлуэнцы, но желавший сообщить Джеку о том, что его жена сняла дом неподалеку от Эшгроув-коттеджа и будет очень рада знакомству с миссис Обри. Оказалось, что их дети почти ровесники, и поскольку они были любящими отцами, давным-давно оторванными от дома, оба офицера принялись с жаром угощать друг друга рассказами о своем потомстве. Начальник тыла стал показывать Джеку поздравительные письма ко дню

рождения, полученные им месяца два назад, и маленькую, обгрызенную корабельными крысами перочистку, которую своими руками сделала ему в подарок старшая дочь.

Главнокомандующий тем временем заканчивал работу с бумагами, начатую еще на рассвете.

— Этот рескрипт капитану Льюису, который осмелился вкять насчет какого-то расследования, — произнес он. — «Сэр, ваше письмо ни в коей мере не способствовало тому, чтобы я изменил свое мнение относительно того, что вы решили воспользоваться своей болезнью с целью снова привести „Глостер“ в порт. Наиболее серьезное обвинение, предъявленное вам, — это невероятно грубое обращение с доктором Харрингтоном на шканцах „Глостера“, совершенно недостойное высокого звания командира корабля, особенно предосудительное в связи с подавленным состоянием экипажа корабля Его Величества, в кое состояние он был ввергнут вашим же предосудительным поведением. Если вы будете продолжать настаивать на проведении судебного расследования в духе того письма, на которое я отвечаю, то оно действительно произойдет, но едва ли его последствия окажутся для вас утешительными. Остаюсь, сэр, ваш покорнейший слуга». Проклятый мошенник попытался запугать меня!

Оба писаря проигнорировали гневную реплику, продолжая усердно скрипеть перьями. Один из них снимал копию с предыдущего письма, второй перебелил его черновик. Остальные лица, находившиеся в просторном адмиральском салоне — мистер Ярроу, секретарь адмирала, и мистер Покок, его политический советник, — дружно возмутились, хором воскликнув: «Ну и ну!»

— Капитану Бейтсу, — продолжал диктовать сэр Фрэнсис, едва перо перестало скрипеть. — «Сэр, совершенно безобразное состояние судна Его Величества, в которое оно пришло под вашим командованием, вынуждает меня требовать, чтобы ни вы, ни ваши офицеры не сходили на берег в целях развлечения. Остаюсь, сэр, и т. д.». А теперь перейдем к меморандуму. «Поскольку имеются все основания подозревать, что некоторое количество женщин было тайно доставлено из Англии на нескольких судах,

в частности тех, которые прибыли в Средиземное море в прошлом и нынешнем годах, адмирал требует от капитанов соответствующих судов указать этим дамам на непозволительно большой расход пресной воды и иные беспорядки, творимые ими, и оповестить всех о том, что при первых же известиях о расходовании обманным путем воды для помывки из питьевого крана или откуда-то еще все женщины, не получившие от адмиралтейства или главнокомандующего разрешения на пребывание на судах, будут отправлены в Англию с первым же конвоем. Господам офицерам вменяется строжайшим образом следить за поведением дам, дабы впредь на сугубо женские нужды не было бы израсходовано ни единого галлона пресной воды». — Адмирал повернулся ко второму писарю, шустро обмакнувшему перо в чернильницу: — «Соответствующим капитанам. Адмиралом замечена небрежность в поведении господ офицеров: появляясь на шканцах „Каледонии“, а иногда и получая распоряжения от начальника, они не снимают треуголок, причем некоторые даже не отдают честь. Вследствие таковой распушенности адмирал решительным образом предупреждает, что всякий офицер, который и впредь будет забывать о необходимости должного чинопочитания, получит порицание перед строем. Он полагает, что офицеры „Каледонии“ явят собою пример для прочих, снимая головные уборы, а не просто небрежно прикасаясь к ним под видом отдания чести». — Обращаясь к Пококу, адмирал заметил: — Нынешние молодые люди в большинстве своем дерзки и любят мишуру. Хотелось бы возродить старую школу. — Затем он продолжил диктовать: — «Соответствующим капитанам. Заметив на берегу нескольких флотских офицеров, вырядившихся, как лавочки, в пестрые тряпки, а иных в круглых шляпах и неуставных мундирах, что нарушает последнее распоряжение их высокопревосходительств членов совета Адмиралтейства, главнокомандующий приказывает, чтобы всякий офицер, нарушивший это целесообразное и необходимое распоряжение, был арестован и препровожден к адмиралу, и если таково будет решение военного суда, то виновному офицеру не будет разрешено сходить на берег до тех пор, пока он будет оставаться под началом сэра Фрэнсиса Айвза».

Пока скрипели перья, адмирал взял письмо и заговорил с мистером Пококом:

— Дж. С. вновь обращается ко мне с просьбой ходатайствовать о нем перед членом королевской семьи. Удивляюсь, как его проняло. Вот уж воистину упорство, достойное лучшего применения. Повторяю, я удивляюсь его назойливости. Наверняка особа с такими непомерными амбициями метит в пэры.

Мистер Покок замялся с ответом, тем более что писари, усердно скрипевшие перьями, тут же навестили уши. Меж тем всему флоту было известно, что сэр Фрэнсис сам горел желанием стать лордом, соперничая таким образом со своими собратьями по оружию. Не было секретом и то, с какой яростью он в свое время добивался командования Средиземноморским флотом — ведь это был самый верный путь для получения вождя титла.

— Возможно, — начал было мистер Покок, но в тот же миг был оглушен диким ревом горнов. Подойдя к кормовому балкону, он воскликнул: — Господи помилуй, посланник султана уже отчалил.

— Чтоб его приподняло и хлопнуло! — рявкнул адмирал, сердито посмотрев на хронометр. — Пусть проваливает ко всем... Нет, мы не должны обижать мавров. На Обри времени у меня не будет. Прошу вас, мистер Ярроу, извинитесь за меня, дескать, *force majeure*¹. Будьте настолько любезны, пригласите его на обед, пусть он захватит с собой доктора Мэтьюрина. Если это их не устраивает, пусть приходят завтра утром.

Их, как на грех, это не устраивало. Обри был бы и рад снять с души камень, но он никак не мог явиться на обед к главнокомандующему именно сегодня, поскольку был намерен отобедать с дамой. При первых словах Джека Обри, обращенных к мистеру Ярроу, брови начальника тыла полезли на лоб, прикрытый ночным колпаком. Единственное удобоваримое оправдание того, что Джек вел себя как дерзкий, всем недовольный упрямец, заключалось в словах начальника тыла флота, чьи брови постепенно заняли прежнее положение:

— Мне бы, пожалуй, тоже хотелось оказаться за одним столом с настоящей дамой. Хотя я и получаю контр-адмиральское жа-

¹ Чрезвычайные обстоятельства (*фр.*).

лованье, после Мальты я не встречал ни одной дамы: жена боцмана, как вы понимаете, не в счет. А из-за этой окаянной инфлюэнцы и необходимости служить образцом добродетели для своих подчиненных думаю, что, увы, вряд ли увижу хоть одну женщину, прежде чем мы бросим якорь в Большой гавани. Какое это утешение, Обри, когда ножки твоего стола дополняются дамскими.

В душе Обри был совершенно согласен с начальником тыла. На суше он был тем еще сердцеедом, что не раз служило причиной крупных неприятностей: очень уж он любил ощущать под столом женские ножки. Но в отношении именно этих ножек (необычайно изящных) и именно этого обеда он испытывал некоторую тревогу; тревога эта угнетала его ум и мешала проявить присущую ему жизнерадостность. Дело в том, что Лору Филдинг, даму, о которой шла речь, он доставил на борту своего корабля из Ла-Валлетты в Гибралтар. При обычных обстоятельствах было бы вполне прилично и естественно перевезти жену сослуживца из одного порта в другой. Однако обстоятельства были далеки от обычных. Миссис Филдинг, по происхождению итальянка, эффектная дама с темно-рыжими волосами, появилась на палубе глубокой ночью в самый ливень без всякого багажа, в сопровождении Стивена Мэтьюрина, который никак не пожелал объяснить ее появление на судне и только заметил, что от имени капитана Обри он обещал доставить ее в Гибралтар. Джек, зная, что его близкий друг и его судовой врач доктор Мэтьюрин прочно связан не только с военно-морской, но и с политической разведкой, не стал задавать лишних вопросов, принимая сей дар судьбы в юбку как неизбежное зло. Но зло весьма значительное, поскольку молва связала имена Джекка и Лоры, когда ее муж находился в плену у французов.

Однако в данном случае дым был без огня. Хотя Джек и начал строить куры, на Лору это не произвело должного впечатления. Тем не менее сплетни долетели до Атлантического океана, где сбежавший из плена муж Лоры, лейтенант Филдинг, коротал время на борту корабля Его Величества «Нимфа». Будучи чрезвычайно ревнивым по природе, он тотчас поверил этому слуху. Следом за «Сюрпризом» Филдинг прибыл в Гибралтар, накануне вечером сойдя с бомбометного судна «Гекла». Узнав об этом, на следующий день Джек тотчас направил чете приглашение на обед. Однако,

несмотря на любезную записку от Лоры, принявшей приглашение, он отнюдь не был убежден в том, что не окажется в неловком положении, когда в половине третьего примет гостей.

Высадившись у таверны «Необструганный флагшток» незадолго до полудня, Джек отправил свой разъездной катер на «Сюрприз», еще раз втолковав старшине-рулевому, как должны держать себя матросы, которым придется обслуживать гостей за обедом. В сущности он мог этого не делать. Хотя на флоте зачастую приходилось довольствоваться солониной и морскими сухарями, на фрегате знали толк в благородном обхождении; у каждого офицера и гостя во время обеда за спиной стоял вестовой, чем могли похвастать лишь немногие отели.

Заметив, что «Пэрейд» почти пуст, Джек зашагал к саду Аламеда, намереваясь отдохнуть на скамье под драконовым деревом. Он не стал возвращаться на корабль не только потому, что ему было больно видеть свой обреченный на списание фрегат. Несмотря на все попытки Джека помешать этому, горькая весть о судьбе корабля стала общеизвестна, так что «Радостный Сюрприз», как любовно называли корабль на флоте, вызывал теперь совсем не радостные чувства. Дружная семья из двухсот человек должна была распаться, и, думая об этом, Джек испытывал горечь потери — отборная команда в совершенстве изучивших свое ремесло моряков, многие из которых плавали вместе с ним уже много лет, а некоторые, как то: старшина рулевых, буфетчик и четверо гребцов — служили вместе с капитаном со времени получения им своего первого корабля. Они притерлись друг к другу, привыкли к своим офицерам, это был экипаж, где наказывали чрезвычайно редко, дисциплину там не надо было вколачивать палкой, поскольку каждый знал свое место, где мастерство канониров и знание морского дела стояли на непревзойденной высоте. И эту команду, которой цены нет, погубят, разбросав по двум десяткам судов.

Что же касается офицеров, то они могли и вовсе очутиться на берегу, оставшись не у дел только потому, что двадцативосьмипушечный «Сюрприз» водоизмещением в 500 тонн был слишком мал по нынешним меркам. Вместо того чтобы увеличить экипаж и перевести его целиком на более крупный корабль, скажем тысяче-

тонный тридцативосьмипушечный «Блекуотер», обещанный Джеку Обри, команду расформируют, а обещанного придется ждать три года, как уже не раз бывало. «Блекуотер» получил по протекции капитан Ирби, а Джек, так и не научившийся обивать нужные пороги, совершенно не был уверен в том, что получит очередной корабль. Он не был уверен вообще ни в чем, кроме того что ему предстоит получать половинное жалованье, по полгинеи в сутки, и выплачивать при этом целую гору долгов. Высоту этой горы он никак не мог определить, несмотря на отменное знание навигации и мореходной астрономии, поскольку его дела вели разные адвокаты, у каждого из которых было свое представление о степени финансового неблагополучия капитана. Эти невеселые мысли прервало чье-то деликатное покашливание, а затем почтительное приветствие:

— Капитан Обри? Сэр, добрый день. — Подняв глаза, Джек увидел высокого худощавого мужчину лет тридцати–сорока, приподнявшего треуголку. На нем был потертый мундир мичмана с некогда белыми лацканами, пожелтевшими на солнце. — Вы меня не помните, сэр? Моя фамилия Холлом, я имел честь служить под вашим началом на борту «Лайвли».

Ну конечно же. В начале войны несколько месяцев Джек Обри исполнял обязанности командира «Лайвли». Там он и повстречал растяпу мичмана с такой фамилией — тот был помощником штурмана. Служил Холлом в этой должности недолго, так как занедужил и был переведен на госпитальное судно. Никто его уходом не огорчился, за исключением, пожалуй, учителя гардемаринов, тоже мичмана в годах, и седовласого капитанского писаря, которые составляли отдельный кружок, державшийся в стороне от шумливой кучки юных мичманов. Насколько Джек помнил, никаких грехов за Холломом не наблюдалось, но не было у него и особых достоинств. Он принадлежал к породе вечных мичманов, которые махнули рукой и на себя и на свое ремесло; Холлом не горел желанием совершенствоваться в мореходных науках или артиллерии, не умел ладить с нижними чинами, что особенно ценят в мичманах командиры.

Задолго до того, как Джек познакомился с Холломом, доброжелательная комиссия сочла его пригодным для замещения должно-

сти лейтенанта. Однако вакансия так и не открылась. Подобное достаточно часто происходило с заурядными молодыми людьми, у которых не было ни способностей, ни покровителей или влиятельных родственников, способных замолвить за них словечко. Большинство таких неудачников год за годом держались на плаву, подавая прошения на получение штурманского патента, если их знание математики и навигации было достаточно хорошим, но порой и вовсе оставляли службу. Холлом и многие другие, похожие на него, продолжали на что-либо надеяться до тех пор, пока не становилось ясно: менять что-либо слишком поздно; в результате они оставались вечными мичманами, вечными младшими офицерами с нищенским доходом около тридцати фунтов в год, да и то если только им удавалось найти капитана, который пускал их на шканцы, и не имеющими никакого прибытка, даже половинного берегового жалования, если такого капитана не отыскивалось.

Их положение было самым незавидным на флоте, и Джек от души их жалел. Тем не менее он сразу настроился против просьбы, с которой Холлом к нему наверняка обратится: сорокалетнему мичману не место в кубрике для зеленых юнцов. Кроме того, было очевидно, что раз Холлом человек невезучий, то он один из тех, кто может принести несчастье кораблю. Матросы — люди безмерно суеверные — невзлюбят его и, возможно, станут относиться к нему без должного почтения, за это их придется пороть, что в свою очередь вызовет еще более враждебное отношение к горе-офицеру.

Из рассказа самого Холлома следовало, что все его прежние капитаны придерживались такого же мнения: командир «Левиафана», последнего судна, на котором он служил, рассчитал его семь месяцев назад, и мичман отправился в Гибралтар в надежде или найти вакансию, освободившуюся после смерти кого-то из офицеров, или встретить одного из своих прежних командиров, которому мог понадобиться опытный помощник штурмана. Но fortuna решительно повернулась к нему задом, и теперь Холлом в последний раз пытал счастья.

— Мне очень жаль, но, пожалуй, я не смогу найти вам должность на своем корабле, — сказал Джек. — Да и нет в этом смысла, поскольку через несколько недель весь экипаж будет списан на берег.

— Я был бы бесконечно благодарен, если бы вы взяли меня к себе хоть на эти несколько недель, — воскликнул Холлом с живостью, от которой Джеку стало не по себе. Хватаясь за соломинку, офицер добавил: — Я был бы рад повесить свою койку даже перед мачтой, сэр, если вы возьмете меня хотя бы матросом первого класса.

— Нет-нет, Холлом, так не пойдет, — покачав головой, отозвался Джек. — Но, может быть, вам пригодится пятифунтовая банкнота. С первых призовых денег отдадите.

— Вы очень добры, сэр, — отвечал Холлом, сцепив за спиной кончики пальцев. — Только я не... — Что именно хотел он сказать, Джек Обри так и не узнал; лицо мичмана, с усилием хранившее маску жизнерадостности, вдруг исказилось. Джек уже решил было, что мичман разрыдается, но тот совладал с собой. — Однако я весьма признателен за ваши добрые намерения. Прощайте, сэр.

«Черт побери, черт побери, — мысленно воскликнул Джек Обри, видя, как, неестественно выпрямившись, уходит прочь Холлом. — Это же самый настоящий шантаж, будь я проклят». Затем он крикнул ему вслед:

— Мистер Холлом, мистер Холлом, стойте! — Что-то черкнув в записной книжке, он вырвал листок и сказал: — Считайте, что вы на службе: вам следует прибыть на борт «Сюрприза» до обеда и предъявить эту записку вахтенному офицеру.

Ярдов через сто Джек повстречал капитана «Намюра» Билли Саттона, своего старинного друга, с которым еще совсем юнцами они служили на «Резолюции».

— Господи, Билли, вот так встреча! Я и не заметил, как пришел «Намюр». Где он?

— Блокирует Тулон, бедняга. Теперь уже под командой Понсонби. А меня на дополнительных выборах избрали в парламент. Так что собираюсь со Стопфордом на его яхте в Англию, ну и принимаю поздравления, ясное дело.

Джек поздравил его, и Саттон, пофилософствовав о парламенте, яхтах и заместителях капитанов, наконец заметил:

— Чем ты так расстроен, Джек? Ты больше похож на кошку, у которой утопили котят, чем на капитана.

— Так оно, пожалуй, и есть. Знаешь, «Сюрпризу» приказано следовать домой, где его поставят на прикол или отправят на слом. Поэтому вот уже несколько недель я бьюсь как рыба об лед, готовя его к последнему походу и отбиваясь от полчищ всякого люда, норовящего бесплатно прокатиться до Англии или устроить на дармовщинку переезд своим семьям и друзьям. А каких-то пять минут назад я невесть отчего совершил дурацкий поступок: вопреки своим правилам взял к себе никому не нужного мичмана-перестарка, потому что этот бедняга выглядел чертовски тощим. Это была всего лишь сентиментальность, глупая снисходительность. В конце концов, ему это ничего не даст; он не будет ни благодарным, ни полезным. Только разложит моих юнцов и обозлит матросов. На его лице написана судьба пророка Ионы. Слава богу, наконец-то приходит «Каледония»! Могу составить рапорт и отплыть, как только мой разъездной катер вернется из Магона, прежде чем кто-то появится на борту. Начальник порта тоже тот еще пройдоха — пытался всучить мне дюжину завалыщих матросиков и одновременно выманить у меня лучших моряков. Да не на того напал! В конце концов, во время перехода до Ла-Манша корабль может столкнуться с неприятелем, и мне хотелось бы, чтобы и в последний раз «Сюрприз» не подкачал. Но даже в этом случае...

— Сочувствую тебе, Джек. К тому же тебе туго пришлось в заливе Замбра, — произнес Саттон, которому было известно о произошедшем лишь понаслышке.

— Было дело, — ответил Джек Обри, покачав головой. Немного погодя он спросил: — Ты знаешь, что произошло?

— Как не знать. Твой посыльный баркас застал вице-адмирала в Порт Магоне, и тот сразу же отправил «Алакрити» в Тулон за главнокомандующим.

— Хочу надеяться, что они успели вовремя. Если повезет, то он должен добить большого француза. Знаешь, Билли, все не так просто — там произошла какая-то грязная история. Мы попали в западню.

— Все об этом говорят. Вернувшись недавно с Мальты, один поставщик провизии рассказывал о большом скандале в Ла-Валлетте. Один крупный чиновник перерезал себе глотку, а дюжину

человек перестреляли. Правда, сам он слышал об этом от вторых или третьих лиц.

— А о моем катере есть известия? Я отправил его на Мальту со вторым лейтенантом, когда задул встречный ветер, и у нас не было возможности быстро добраться до Гибралтара.

— Ничего о нем не слышал. Зато знаю наверняка, что твой баркас подняли на борт «Бервика», поскольку здесь была назначена встреча с главнокомандующим. Мы плыли вместе до вчерашнего вечера, когда во время шквала он потерял фор-стенгу. Поскольку Беннет не решился показываться на глаза адмиралу с огрызком фок-мачты, он просемафорил, чтобы мы продолжали идти. Но при таком изменчивом ветре, — добавил Саттон, посмотрев на высокий гребень Гибралтарской скалы, — он застрянет, если не поторопится.

— Билли, ты знаешь адмирала гораздо лучше, чем я. Неужели он действительно рвет и мечет?

— Суший аспид! — отозвался Саттон. — Слышал, как он раздраконил мичмана, ограбившего капера?¹

— Нет.

— Дело было так. Несколько шлюпок с судов эскадры высадились на борт гибралтарского капера, установили, что его бумаги в порядке, и отпустили с миром. Спустя какое-то время мичман с «Кембриджа», здоровенный волосатый недоросль лет эдак шестнадцати, искавший, видно, популярности у матросов, вернулся, заставил команду капера погрузить в его шлюпку запасы портера, а затем, очевидно окончательно тронувшись умом, напялил на себя синий мундир их капитана с серебряными капитанскими же часами в кармане и с хохотом отчалил. Капитан капера подал жалобу, и его вещи нашли на койке мичмана. Я присутствовал на суде.

— Мальчишку, видно, выгнали со службы?

— С ним обошлись гораздо круче. Приговор гласил: «Разжаловать из мичманов самым позорным образом, сорвав с него мундир на шканцах „Кембриджа“, и лишить причитающегося ему

¹ Каперство — нападение вооруженных частных торговых судов воюющего государства с его разрешения на неприятельские торговые суда или суда нейтральных государств. См. далее «Словарь морских терминов», помещенный в конце книги.

жалованья». Приговор следовало огласить на всех кораблях эскадры. Если б ты не находился в Замбре, ты бы знал об этом приказе. Но это еще не все. Сэр Фрэнсис написал командиру «Кембриджа» Скотту. Я видел это письмо, вот что в нем было: «Сэр, настоящим вам предписано исполнить приговор трибунала, вынесенный Альберту Томкинсу. Прикажете обрить ему голову и прикрепить к его спине табличку, указывающую на совершенный им позорный поступок. Впредь до моих дальнейших распоряжений он должен выполнять обязанности уборщика гальюна».

— Господи помилуй! — воскликнул Джек, представив себе гальюн восьмидесятипушечного линейного корабля, рассчитанный на пятьсот матросских задниц. — Этот бедняга, поди, еще из хорошей семьи и не без образования?

— Он сын Томкинса, адвоката адмиралтейского суда на Мальте.

Оба прошли в молчании несколько шагов, затем Саттон сказал:

— Забыл тебе сообщить, что на борту «Бервика» находится твой бывший старший офицер, который получил повышение за твой бой с турком. Он тоже отправляется домой, рассчитывая получить в командование судно.

— А, Пуллингс! — отозвался Джек Обри. — Я был бы рад повидаться с ним. Он лучший из всех старших офицеров, которые у меня были. Что касается судна... — Оба покачали головами, зная, что в списочном составе флота свыше шестисот капитанов — больше чем по два на один шлюп, а на суда классом ниже шлюпа в капитанском звании не назначают. — Надеюсь, что на «Бервике» находится и знакомый мне капеллан¹, — продолжал Джек. — Одноглазый капеллан отец Мартин — превосходный человек и большой друг моего судового врача. — Немного помолчав, он добавил: — Билли, не откажешь мне в любезности отобедать со мной? Нынче мне придется устроить обед, на котором могут съесть меня самого, и такой умный собеседник, как ты, очень бы меня выручил. Как тебе известно, сам я не мастер вести беседы, а у Мэтьюрина есть противная привычка молчать как рыба, если тема разговора его не интересует.

¹ Судовой священник.

— А кто приглашен к твоему столу? — спросил Саттон.

— Ты когда-нибудь встречал в Валлетте миссис Филдинг?

— Прекрасную миссис Филдинг, которая дает уроки итальянского? — покосившись на Джека Обри, стал выяснять Саттон. — Разумеется.

— Дело в том, что я ее подвез на своем «Сюрпризе» до Гибралтара. Но из-за дурацких слухов, совершенно необоснованных, Билли, клянусь честью, ее муж, похоже, решил, что я наставил ему рога. Вот эта самая чета Филдингов и пожалует на обед. Хотя в записке они заверили, что это доставит им большое удовольствие, я подозреваю, что мой язык может сослужить мне дурную службу. Господи, Билли, я слышал, как ты распинался перед избирателями в Гемпшире, ты без страха пускал в ход все средства — шутил, провоцировал, рассказывал анекдоты, бил не в бровь, а в глаз. Словом, это был шедевр красноречия. Будь другом, выручи меня.

Страхи капитана Обри оказались необоснованными. В промежутке между приездом мужа накануне вечером и назначенным часом обеда Лора Филдинг сумела убедить супруга в своей неизменной верности и привязанности. С открытой улыбкой он шагнул к капитану навстречу и, пожав ему руку, еще раз поблагодарил его за любезность, проявленную по отношению к Лоре. Тем не менее присутствие капитана Саттона оказалось очень кстати. Дело в том, что Джеку и Стивену, которым очень нравилась миссис Филдинг, было все же не по себе. Они не могли понять, что она нашла в своем супруге — этом грузном темноволосом мужлане с низким лбом и глубоко посаженными, маленькими глазками. Им обоим была не по душе ее явная любовь к нему. Это несколько принижало ее в их глазах, и оба испытывали особенную потребность снять чувство неловкости общей беседой. Что касается Филдинга, то он, рассказав очень кратко о своем побеге из французского плена, больше не знал, о чем еще говорить, поэтому сидел молча и, улыбаясь, поглаживал под столом Лорино колено.

Вот когда пригодился Саттон. Его главным достоинством парламентария было умение долго и непринужденно говорить на любую тему, разглагольствуя о прописных истинах с откровенным и доброжелательным видом. Он без всякой натуги мог наизусть цитировать законопроекты и выступления других членов парла-

Литературно-художественное издание

Патрик О'Брайан
НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Ответственный редактор *Д. Кондратьев*
Художественный редактор *Ю. Прописнова*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка *М. Залиев*

Формат издания 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Тираж 4000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».

Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 07.2024. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».

Юр. адрес: 124498, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Старое Крюково,
г. Зеленоград, пр-кт Георгиевский, д. 5, помещ. 8/1Т.
Факт. адрес: 432980, Россия, Ульяновская обл., г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.

16+

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.*

ФЕНИКС ХОРОШИЕ КНИГИ

ОПЫТ

32 года
создаём книги

ЭКСПЕРТИЗА

Мы знаем о книгах всё

200 000 000
экземпляров наших книг
читают по всему миру

В ТРЕНДЕ

«Феникс» всегда на волне
ваших ожиданий

свыше 700
книжных новинок
мы выпускаем ежегодно

ЗНАНИЯ

весь опыт наших авторов
воплотился в книгах издательства

- Учебная литература
- Книги для профессионалов
- Прикладная литература
- Психология и саморазвитие
- Литература для родителей и детей
- Книги для дома, досуга, хобби

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

книги для хороших людей

- Классическая литература
- Интеллектуальная проза
- Книги для подростков
- Детская художественная литература

КАЧЕСТВО

все книги издательства
соответствуют ГОСТам

- Нам важна ваша
безопасность!

www.phoenixrostov.ru